

В.Ястребов

ГРЕКИ В ЕЛИСАВЕТГРАДЕ. (Отрывок из истории колонизации)¹

1754—1777 гг.

На территории нынешнего Елисаветграда греки начали селиться одновременно с появлением крепости св. Елисаветы; слухи о льготах, даруемых переселенцам в Новой Сербии, молва о построении крепости и послужили приманкою для подвижных и промышленных потомков Улиса. В царствование Екатерины, особенно ласкавшей греков, греческая колонизация усилилась и в Елисаветграде; в это время они сооружают здесь свою церковь, получают автономию как в церковных, так и в гражданских делах. Впрочем численность колонии никогда не была велика: в последние годы царствования Елисаветы греков считалось немного более 50 душ, с женами и детьми, а в конце столетия, кажется, не более 100 чел. 2). Но большая часть их имела свои дома и лавки, некоторые — по две лавки. Значительнейшее число греков переселилось из Македонии, другие явились из Константинополя и с островов, двое вышли из Сечи запорожской, были выходцы из Австро-Венгрии, Бессарабии, из Нежина и наконец один прибыл из Венеции.

Получив места для построек, обзаведясь и устроившись на новом месте, почти все переселенцы греки занялись торговлей и весьма немногие ремеслом. Из разных отраслей коммерческой деятельности предпочтение осталось за бакалейной; следующее по числу представителей место принадлежит торговле «горячим вином», т. е. водкой и волошским (бессарабским) вином; последние места заняты табаком и хлебом. Промышленные операции елисаветградских греков не ограничивались районом Новой Сербии: из паспортов их видно, что по торговым делам они отлучались в Малороссию, Сеч, Польшу и Великороссию, но всего чаще наведывались в Турцию. Заметно, что греки-колонисты не желали оставлять национальных своих особенностей и не всегда прочно сидели на почве, хотя она была, или, по меньшей мере, могла быть для них благодатною во многих отношениях и значительное число паспортов выдано на годичный срок, многие на 6 и на 4 мес.

Тем не менее на первых же порах проявляется у ново-поселившихся греков стремление зажить своим мирком, как дома. В 1760 году, под предводительством венецианского выходца Ефима Темелея, они выступают с ходатайством о сооружении своей особой церкви и просят разрешения совершать богослужение на греческом языке; в просьбе о содействии по этому делу, поданной коменданту крепости св. Елисаветы Толстому, указав на свою ревность к русскому престолу и греко-российской церкви и сославшись на существование греческих церквей в Москве, Киеве ж Нежине, они утверждают, что переселение греков в Елисаветград усилится, если у них будет здесь своя церковь; при этом заранее указывают и кандидата на священническое место отставного нежинского иеромонаха Игнатия Папазовлу. В прошении к преосвященному Гервасию, епископу переяславскому епархию которого входила также и Новая Сербия, греки просят кроме того разрешить открытие при церкви «странноприимного дома для убогих и безязычных» из их братии³ Ходатайство греков уважено, и в начале 1761 года они приступили к заготовлению материала для постройки храма и к подысканию мастеров для работ живописных и резных. Мастера выписаны из Нежина, конечно греки же⁴.

В 1765 г., когда постройка приходила уже к концу, преосвященный Гервасий разрешил иеромонаху Папазовлу совершать в новом храме часы, панихиды и т. п. службы, не требующие освященного престола, а 25 сентября 1766 года дал благословение освятить средний престол во имя Владимирской Божией Матери; приделы не были еще окончены и в это время⁵. Иеромонах Папазовлу, прослужив год в неосвященной еще церкви, оставил место по болезни, — вероятно от старости, и грекам пришлось искать нового священника, а найти хорошего священнослужителя — грека было не легко. Здесь заслуживает упоминания один документ, помеченный 9 числом января 1766 г. и заключающий условие вышедшего из Константинополя иеродиакона Феоны с Ефимом Темелеем и греческим братством пряс крепости св. Елисаветы: оно рисует нам церковно-общественные порядки отношения общества. Феона обязывается, получив посвящение и заручившись утверждением епархиального начальства, священствовать в греческой церкви 6 лет, получает на содержание 1 1/1 части церковных доходов, а 2 части отдает ктитору для всяких потребностей; на содержание остальных членов клира шла, вероятно, половинная доля. По неизвестной причине Феона не получил прихода и последний достался в 1767 г. вышедшему «из за

границы» Видалиду. Однако, прожив всего несколько месяцев при елисаветинской крепости, Видалид этот стосковался по родине и тайно бежал, при помощи подкупленного им отставного солдата, за что тот был наказан плетьюми.

Тогда греки заключили временное условие с бежавшим «от униатского гонения» из польского местечка Медведовки священником Афанасием Борисовым, до приискания священника— грекаб. Условие заключено на 3 года, по 40 р. в год, выплачиваемых по третям; священник обязывался брать за обряды, «по силе указа Его Преосвященства», без вымогательства; обязывался доставлять на собственный счет просфоры для обыкновенных литургий, на сорокоусты же сам заказчик расходуется на просфоры, вино, свечи и ладон. Таково условие, заключенное греками с Борисовым. Но епископ Гервасий не утвердил его на приходе и на основании указов синода велел препроводить, как беглого, на прежний приход, а грекам предложил поискать себе другого пастыря. Тем не менее, короткое время Борисов служил в греческой церкви; служили также и священники русских церквей при елисаветинской крепости, и грекам все не удавалось найти себе настоящего священника.

К этому времени, когда духовное стадо елисаветградских греков оставалось без пастыря, относится один эпизод, представляющий особенный интерес. В начале 1769 года елисаветградская провинция подверглась нападению крымских татар, под предводительством хана Керим-Гирея. В числе многих поселений сожженных неприятелями, такая участь постигла и многолюдное село Аджамку⁷, с церковью. Население Аджамки разбрелось куда кто мог: священник же, Василий Логовик с семейством поселился в недалней от Аджамки крепости св. Елисаветы.. Лишившись прихода и средств к существованию с семьей, он обратился к старосте греческой церкви Темелею с предложением исправлять должность священника и с просьбою приютить себя до мая месяца в церковном доме. Темелей и греки приняли Логовика и отвели ему временную квартиру в церковной хате, служившей помещением дьячку, пономарю и сторожам. Пришел май месяц, а Логовик не оставлял церковной квартиры и не искал другого места; с своей стороны и греки не успели еще найти иного священника: так, по взаимному соглашению, вероятно более или менее молчаливому, священствование бывшего аджамского батюшки затянулось. Но одно не нравилось ему у греков: это то, что всеми материальными делами церкви распоряжаются у них ктитория, а священник не только не имеет доступа к ним, но и служит наемником. И вот, протянув свое заместительство до осени, он решается произвести общественно-церковный переворот. В сентябре месяце подает Логовик прошение епископу Гервасию об утверждении его, Логовика, в должности священника греческой церкви и о дозволении остаться жить в церковном доме. Предшествовало ли подаче прошения какое либо условие Логовика с греками, и если было заключено условие, то какое именно,—не знаем; вероятнее, что такого условия не было: иначе зачем бы было просить у преосвященного разрешения жить в церковном доме? Как бы то ни было, епископ Гервасий изъявил согласие на оба пункта просьбы Логовика. Заручившись архипастырским утверждением в должности и водворением в церковном доме, Логовик через месяц подает в переяславскую консисторию «доношение» следующего содержания: бывший у греков священником и потом сбежавший Видалид «нанятой всегда находился и ни к какому тоя церкви церковному добру дела не имел, но они сами от себя вино, ладан, свечи и просфиры отпускали, почему и свечи церковные, а не поповские в продажу отпускаются, також и ключ церковный у себя содержат». Логовик признает такие порядки неудобными и противными русским церковным преданиям; он объясняет свою мысль следующим образом: «1-е, просфиры они (греки) отпускают разве в праздничные и воскресные дни, а в рядовые хотя бы и желал священник литургисать, но просфор и других потребностей не отпускают; 2-е, чрез содержание ключов церковных у себе (у ктитора) часто бывают священнику в преподавании треб препятствия и остановки; 3-е, по таковым от них следуемым происходствам и по малому тамо (в Елисаветграде) их числу дьячка при той церкви содержать не с чего, а он де.... от них греков найму не требует (sic) и просфиры с вином отпускать з своего кошту, також и дьячка на собственном препитании содержать одолжается». Вследствие изложенного, Логовик просит: «не поволено ль будет от духовной консистории в оной греческой церкви свечи ему правителю⁸ в продажу производить, как де оные греки и уговорились было з священником Афанасием (Борисовым⁹), и ключи церковные содержать у себя....»

Должно полагать, Логовику хорошо известны были ходы в переяславской консистории, не даром он занимал должность правителя; иначе трудно объяснить, при наличных условиях, определение консистории, положенное вследствие его «доношения». Резолюция была такова: «в согласие учиненного на просителевом доношении.... Его Преосвященства определения о бытии при греческой прописанной церкви и о поступании так, как надлежит приходскому священнику по здешним порядкам за силу правил

святых отец, в коих изображено: души поручены в наблюдение, кольми паче церковное добро поручиты надлежить». Об этом решении сообщено елисаветградскому духовному правлению, т. е. тому же Логовику, и предложено «ведать и чинить посему».

Греческое общество протестовало. Оно ссылалось на нежинскую и киевскую греческия церкви, где церковное добро находилось в ведении ктиторов; указывало на то, что и в Елисаветграде доселе преосвященным разрешалось тоже, по примеру тех церквей; наконец утверждало, что, никогда никаких неудобств от этого не выходило: просфоры и вино выдавались беспрепятственно, по требованию священника, ключи—также; ктитор живет въ церковной ограде... На этом, к сожалению, обрывается это дело и мы не знаем: кто победил в борьбе? Правдоподобно,—Логовик.

Выше мы видели, что половина церковных доходов, по условию с иеродиаконем Феоною, долженствовала поступать к церковному старосте «на всякие потребности». Но Феоне не удалось занять прихода, и условие, заключенное с ним, не получило действия. Однако, из добротных ли даяний, или из других источников, не знаем, — при греческой церкви составилась капитал; неизвестно также, велик ли был он, но несомненно то, что он пускался в оборот. Сохранилось «доношение» купца Михаила Николаева, помеченное 1766 годом (следовательно годом освящения среднего престола церкви), с просьбою выдать ему из церковной суммы на год 300 р., так как ему Николаеву, «небезизвестно», что «желающим» выдаются деньги из церковной суммы на проценты; на обороте «доношения» набросано вчерне «одобрение» купеческого правления (о купеческом правлении будет сказано ниже). Кроме этого, есть еще два указания на такие займы, один 230 р., другой—200 р., причем в последнем случае деньги выданы из «казны» какого-то капитана Кочаргана, находящейся при церковной сумме (вклад?); за просрочку 21 дня должник уплатил 70 к.

Итак, елисаветградские греки имеют свою церковь, заведуют через ктиторов материальными ее делами, увеличивают церковную казну отдачей на проценты, имеют выбранного и договоренного священника, совершающего богослужение на греческом языке. Но еще ранее освящения церкви они делают другой еще более важный шаг к устройству своей самостоятельности. В начале 1764г. знакомый нам венецианец Ефим Темелей «с товарищи» подали новороссийскому военному губернатору Мельгунову следующего содержания «всенижайшее доношение». «Нам нижайшим—писали греки—по бытности в Нежине известно, что на основании Всевысочайших жалованных грамот, находящиеся в Нежине греки купеческое братство имеют и между собою по купечеству суд и расправу чинят, то и мы нижайшие (продолжают просители—греки), смелость возымели чрез сие Вашего Высокопревосходительства, яко главного здесь командира и ко всем ищущим милостивого патрона рабски просить, дабы поданную от нас нижайших на Всевысочайшее Ее Императорского Величества имя челобитную представить, куда Ваше Высокопревосходительство заблагоразсудите изволите, чтобы мы нижайшие Вашею неизреченною милостию в сем прошении оставлены не были, и за то подвергаем себя вечно имя Вашего Высокопревосходительства прославлять, а чтобы нам нижайшим под магистратской старшиною в команде не быть, понеже от оной старшины всегдашнее гонение и безчестие претерпеваем, и в том, яко иностранных людей, защитить и повелительным Вашего Высокопревосходительства ордером снабдить, чтобы до приезда Вашего Высокопревосходительства могли б по купеческому промыслу суд и расправу меж собой иметь и для лучшего порядку быть при том находящемся здесь переводчику Константину Юрьеву, понеже и наперед сего был в таковых распорядках переводчик».

Ходатайство греков уважено и на этот раз. С следующего 1765 года они выбирают из своей среды двух старшин, которые служат исполнительным органом самоуправления общины. Для характеристики выборов любопытен рапорт командиру крепостного магистрата, поданный в 1769 г. бывшими старшинами Юрием Фундуклеем¹⁰ и Павлом Дмитриевым о сдаче ими должности вновь выбранным Саве Петрову и Николаю Иванову; из рапорта видно, что сдавались не только письменные дела по описи, но и сами греки—купцы и цеховые, по списку; любопытно также, что новым старшинам переданы ружья и патроны с пулями. Видно, должность старшины не отличалась спокойствием, а сами греки не могли считаться вполне оседлыми.

Кроме старшин, часто упоминается в делах «купеческое правление», но по всему судя, такое название присвоено было никому иному, как тем же старшинам, и в документах заметного различия между ними не полагается.

Разсмотрим же круг деятельности купеческого правления, насколько позволяют это материалы.

Во первых, оно дает одобрение на прием в свою общину новых пришельцев; предварительно посылается человека 2—4 из купцов для осмотра товара будущего братчика и поверки объявленного им капитала;

послы, освидетельствовав его имущество, подают правлению рапорт, в коем указывается, какой товар и в какой сумме капитал имеется у новоприбывшего; затем уже купеческое правление подает «одобрение» командиру крепостного магистрата для распоряжения.

Далее, купеческое правление выдает членам общины увольнительные свидетельства на отъезд из крепости в разные места, но делает это не иначе, как за поручительством остающихся нескольких греков (иногда одного), которые дают правлению подписку в том, что отлучающийся вернется к сроку.

Старшины собирают с греков—купцов и цеховых окладные деньги, взыскивают недоимки и собранное доставляют командиру крепостного магистрата.

Наконец, правление чинит грекам суд. Немногочисленные следы этого суда, сохранившиеся в делах, интересны для характеристики нравов елисаветградских греков.

1765 г. сентября 15 дня купец Яков Петров дает купеческому правлению подписку: в пьяном виде, находясь «в азарте», как он выражается, он «назвал» купца Леонтьева и жену его «безчестными словами», которые признает теперь напраслиной, и обещается никогда впредь не порочить его, уплачивает 5 р. пени «на братские расходы», а в случае повторения проступка обязуется уплатить в правление 50 р. и получить 100 ударов плети.

Другое дело. Жил при крепости один грек Павел Дмитриев; его выбрали однажды старшиною, как мы видели выше, но он отличался нравом чрезвычайно горячим и, как говорится, вредным. Вот, для примера, образчик его поведения. Берет он в долг у купца Фундуклея бессарабского вина и принимается торговать им во дворе, нанятом тем же Фундуклеем; по окончании срока уплачивает, вместо полной суммы долга, часть ее; и всего-то оставалось доплатить 8 р. 50 к., но Павел Дмитриев не только отказался от уплаты, но в собственном же дворе Фундуклея в резких и неприличных выражениях коснулся интимных дел своего благодетеля и потом вызывал даже его на поединок, показывая из под плаща саблю. Обиженный жаловался командиру крепостного магистрата и просил удовлетворения¹¹.

А вот другая жалоба на того же Дмитриева, поданная в правление какой-то молдованкой вдовой Марьей Григорьевой. Суть дела следующая. Прослышав от кого-то, что Григорьева—знахарка, Дмитриев призвал ее к себе на дом и спросил, «не знает ли каких волхований, чтобы греческим старшинам Ефиму Темелею и Константину Бургазлию, да купцу Юрию Фундуклею таким образом учинить, чтобы они несмысленны и совсем в разуме помешательны были»; такое желание он объяснил расчетом получить наследство умершего тогда купца Яна Мураита, на дороге к чему стояли названные лица; в вознаграждение за труд он предложил Григорьевой купить сподницу и кафтан. Но она отвечала, что не может исполнить просьбы и что волхований не знает. Оставив дом его Григорьева в тот же день явилась к Фундуклею, на которого перед тем злоумышлял Павел Дмитриев, и рассказала о разговоре. Узнав об этом, Дмитриев начинает преследовать бабу: где ни увидит, бранит разными «непотребными и укорительными словами» и наконец прибил «кулачем и сапогами до угодности», по документальному выражению,—при чем показывал из под плаща шпагу и страшал, что голову ей отрубит. Однако услышав, что оскорбленная сторона подала жалобу на него, Дмитриев бежал. Спустя четыре месяца, явился он снова в крепости, пришел в дом своего противника, старшины Темелея, бранил его разными «скверными словами и при том, произнося похвалки, искал случая его, Темелея, умертвить, на что и ножа просил у грека Павла Кушнера»; Темелей крикнул о помощи и приказал взять Дмитриева под стражу; тот схватил старшину за волосы и «драл довольно», так что едва розняли. Заковали буяна, но он снова бежал, «и с цепью». Тогда Темелею не оставалось ничего больше, как обратиться за помощью и удовлетворением к крепостному начальству, что он и сделал; разузнав, что преступник скрывается в Новомиргороде, он просил водворить его на место постоянной оседлости, указывая на то между прочим, что Дмитриев должен многим. Дальнейший ход дела и финал его не известен нам.

Изложенным выше исчерпываются сведения о купеческом правлении. Оканчивая наше повествование, передадим еще для полноты содержание одной росписки о покупке с торгов дома с двором известным нам Темелеем: она знакомит нас с материальной обстановкой и ценностью жизни в крепости св. Елисаветы середины прошлого столетия (1757 г.). Темелею достались: изба рубленая с печью, сени с чуланом, оставленни (обставленные) тыном, ледник с погребницею рубленые, погреб выходной, в середине оставленна половина досками; близ одного погреба чулан, оставленный досками; другой погреб выходной, против ево комора, оставленна досками, двор и все строение (?). Цена всему этому 20 рублей.

Сведения о купеческом греческом правлении в Елисаветграде заключаются 1777 годом. В настоящее время в приходе елисаветградской греческой церкви греков уже нет, и едва сохранилась память о них:

говорят, они переселились в Мариуполь; в ревизской сказке 1811 г. показаны только две семьи, уцелевшие от греческой колонии прошлого века: Фундуклеи и Петровых¹²). В настоящее время единственным напоминанием о греках в Елисаветграде служит т. н. греческая церковь, находящаяся на правом берегу Ингула, на базарной площади, на подоле остатков крепости. Но это не та церковь, которая выстроена греками в 60-х годах прошлого столетия. Старая церковь была деревянная, двуглавая, выкрашенная снаружи, выбеленная внутри. По описи 1793 г. иконостасы в ней были гладкие, посеребренные, с резными, вызолоченными на двух, посеребренными на одном, рамами для икон; тогда в церкви довольно было, серебряных сосудов и лампад, парчевых, бархатных и иных риз, серебряная рака для плащаницы и т. п.

В 1784 г. в приходе считалось 208 дворов и 1040 душ прихожан; в 1793 г. 144 двора и 815 прихожан,— меньше, может быть, вследствие бывшей в этот промежуток чумы.

Нынешняя каменная Греческая церковь выстроена близь того места, где стояла старая, обветшавшая; новая сооружена на добротные пожертвования прихожан и освящена в 1812 г. Немного позже пристроена каменная же колокольня.

-
1. В так называемой греческой церкви гор. Елисаветграда хранится связка документов, помеченных разными годами второй половины прошлого столетия (ранний 1754 года); почти все они писаны по-русски, за исключением немногих на ново-греческом языке; последние не представляют интереса (какое-то витиеватое, бессодержательное письмо, счет бакалейных товаров и т. п.); русская половина коллекции важнее, рисуя нам быт греческой колонии в старом Елисаветграде. Правда, немного следа оставили по себе здесь греки и скорее исчезли, чем пришли, но для характеристики иностранной колонизации наш материал не лишен, думаем, интереса и мы решаемся познакомить с ним любителей старины. Дела греческой общины уцелели не все, чем объясняется неполнота и нашего очерка.— В. Я.
 2. В этот счет однако не входят работники.
 3. Устройство его, кажется, не состоялось.
 4. Почтенный исследователь местной старины, покойный архиепископ Гавриил ошибся, относя начало Греческой церкви в Елисаветграде к 1757 году.
 5. См. его ст. «Хрон.-истор. описание церквей губернии херсонской.» в Зап. Одесс. Общ. Ист. и Др., т. II, 1848 г., стр. 146.
 6. В бумагах греческой церкви сохранилось условие с жителем слобод Злынки, Алексеем Гурьевым, обязавшимся нарубить в казенном Черном лесу и доставить 600 деревьев за 27 р.
 7. В архиве греческой церкви сохранилось еще одно свидетельство о православном священнике, бежавшем от преследований из польских владений (просьба о месте свящ. Иоанна Дитанского). Оно напечатано в «Херсонск. Епарх. Вед.» 1883 г. №.15.
 8. Теперь село александровского уезда на реке того же имени, впадающей в Ингул. Барон Тотт полагает в ней 800—900 домов. См. перевод его мемуаров об этом нашествии в «Киевской старине» т, VII, 1883 г.
 9. Логовик занимал должность правителя елисаветградского духовного правления еще с того времени, когда служил в Аджамке. Документ за его подписью, с датой 1764 г., см. в «Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др.», т. VI, стр. 602.
 10. Мы видели, что об этом договора заключено не было.
 11. Выходец из местечка Патина (?) на Белом море (Архипелаге)
 12. Фундуклей занимал должность старшины и поэтому дело не было направлено в правление, а в крепостной магистрат.
 13. Из этой семьи Петровых происходит знаменитый впоследствии певец артист Ос. Аф. Петров (род. 1805 г.)

В. Ястребов.

Елисаветград,

10 марта 1884 года.